

78. ДЕК 1961

г. Москва

Газета №

П И С Ь М О
В РЕДАКЦИЮ

ЦЫГАНСКАЯ ЖИЗНЬ

ОЧЕНЬ ЧАСТО в нашей печати появляются разного рода статьи и фельетоны, в которых рассказывается, как кто-то стал жертвой обмана цыганок.

Таких фельетонов можно найти десятки. То, что какой-то обдолбав поверил в черную магию, вызывает удивление, а то, что молодая, неглупая цыганка никогда не сидела за партой, не работает и живет мелким хищником — это почему-то авторов не удивляет. Здесь они «не видят темы». Их воображение не идет дальше черных кудрей, карт и пестрых шалей.

А жаль. Жизнь цыган далеко не так романтична. Многие сделали Советская власть, чтобы и мои соотечественники жили по-человечески. Немало цыган получили образование, вышли, что называется, в люди. Но все-таки очень многие еще живут по-старому и не пользуются великими благами разумной, культурной, благоустроенной жизни, благами, которые им предоставлены.

Я простой рабочий парень, не историк, не политик. Может быть, я в чем-то неправ, чего-то не понимаю, но я люблю свой народ и не могу не высказать того, что наболело.

В Ягейском таборе есть у меня приятель Виктор Ладный. Он и на самом деле «ладный» — стройный, сильный, с горящими черными глазами и кудрявым чубом. И умом Виктора судьба не обидела.

Но ум не мешает Виктору верить в то, что в речке купаться цыгану нельзя — папытку (водяной) к себе утащит, что стирать рубашку — смывать свое счастье.

Заиграет Виктор на гитаре, заплет — и не в силах молодые цыганки от него глаз отвести, а из ближних сел русские девчата, как зачарованные, стекаются стайками. Но красавец этот, как и все в таборе, ни разу в жизни не мылся, а рубахи меняет, когда они истлеют на плечах.

Виктор — романтик мечтает о подвиге, о настоящей жизни. Страшно завидует мне, грамотному человеку, и каждый раз, когда я приезжаю в табор, не дает мне покоя. «Расскажи хоть о чем-нибудь!» Рассказчик не ахти какой. Но Виктор с одинаковой жадностью слушает все, что мне удается вспомнить из книг «Мересееве, Афанасии Никитине, молодогов-дедичах или просто о моих одноклассниках, которые стали уже врачами, рабочими, штурманами. И право же, рассказы о моих товарищах звучат для Виктора так же «волшебство», как и описание похождения Никитина в Индию.

В то же время Виктор ничего «зазорного» не видит в том, чтобы обмануть при торговой сделке, украсть.

Таким Виктор сделал табор, жесткие цыганские «законы», воля старейшин.

В школе Виктор Ладный был бы наверняка в числе одаренных, но учиться ему не пришлось. Три месяца изучения трав, гадалый, примет — вот и весь «курс наук» цыгана.

В кино ходить ребятам запрещают. А с Виткой мы часто бегали на «Чапаева» и на «Веселых ребят». Посмотрит Виктор такую картину — и муторно станет ему от «привольной» цыганской жизни, от копоти костров, грязи, кибиток, от карт, водки, воровства. Много раз пытался он бежать из табора. Но нелегко уйти из-под власти старейшин. На ближайшем вокзале Виктора ловили, возвращали отцу, а тот нещадно порол его кнутом...

Куда же убежал Виктор? Сначала — куда глаза глядят, потом, в 16 лет, пытался попасть на целину... А когда был объявлен набор на строительство Братской и Иркутской ГЭС, носился как сумасшедший по табору, пытался подобрать дружок убежать туда. Никого не подобрал. Все боялся наказания и неизвестной жизни. Убежал один. Поймали. Снова били.

Отец у Виктора старый, но сильный — крахотистый, со свирепыми глазами и пышной черной бородой. До сих пор Витка помнит одну из расправ, учиненную им. Мать Виктора где-то украла курицу и, когда женщины из села погнались за ней, прибежала в табор. Это было неосмотрительно и разозлило «баро».

— Мы ее накажем, — пообещал «баро» хозяйке курицы. «Наказывал» цыганку ее пьяный муж — хлестал кнутом, приговаривая: «Воруй, да не попадайся!». Витка (ему тогда было восемь лет) с младшими братишками забился в кибитку и смотрел с ужасом — отца он боялся.

Женщины били, когда они мало украл, когда попались и просто под пьяную руку. Целыми днями ходили они по базарам — гадали, выпрашивали, воровали и вечером несли добычу мужьям, а те весь день спали, пили водку, играли в карты. Иногда дудили или ковали...

Витка мечтал о другой жизни. — Хочу стронуть дома, — говорил он мне не раз, — пусть землю копать, кирпичи таскать, но чтобы строить дома!

Я знал, откуда у моего друга, ни разу не бывавшего в квартире с центральным отоплением и ванной, такая мечта.

Это было в Угличе. Витка шел мимо строящегося дома и остановился посмотреть. Работа шла весело, стена росла прямо на глазах. Особенно там, где стоял дядя Вася — старый каменщик-виртуоз.

— Эй, цыганенок, спляши на ру-

ках и на пузе! — крикнул кто-то и бросил горсть монет.

Витка несколько раз шлепнул себя по бедрам и подошвам, но монет не взял и снова устался на руки дяди Васи.

— Иди сюда, парень, — ласково позвал тот и показал, как надо класть раствор, как выравнивать кирпичи...

Положит Витка кирпич и смотрит немного испуганно — вдруг не так? — Молодец! Хорошо! — похвалит дядя Вася, незаметно подравнивая кирпич.

Целый день проработал паренек на стройке. И этот день остался в его памяти как самый радостный в жизни.

...Этим летом я снова был в таборе. Да, в таборе, хоть и живут мои сородичи оседло. Но само понятие «табор», сами законы табора живы еще по-прежнему. Виктор Ладный уже не убежит. Привык, смирился... Живет, как все. Только слушать о другой, настоящей жизни по-прежнему любит. Шумит эта жизнь вокруг Ягейского табора, шумит, плещет событиями. Кто-то готовится лететь в космос, кто-то борется за самое дешевое мясо, молоко, создают народные университеты, школьники спорят о том, есть ли антимир... А в таборе жизнь, как в болоте: едешь в него, как в XVII век.

История всегда была жестокой к цыганам. Тысячелетиями скитались они по земле в дырявых кибитках, дикие, всеми презираемые, кормясь немудрыми ремеслом и хитростью. До сих пор в капиталистических странах цыгане — один из самых бесправных народов.

Октябрьская революция открыла в нашей стране перед цыганами все двери — и на производство, и в науку, и в культуру, уравнивая в правах с русскими и с любой другой нацией. Немало средств и энергии было затрачено на то, чтобы отучить таборы от кочевой, приобрести их к труду, к культуре, к политике. Но слишком сильными оказались таборные традиции, предрассудки, власть старейшин... Грамотных людей им не удержать. Это старейшины понимают хорошо. Отсюда их ненависть к учению, к кино, театрам...

Государство многое сделало, чтобы положить конец такой цыганской жизни. Принято немало мер. Хорошие меры. Они выражают заботу о судьбе этой народности, они обязывают советские органы обеспечивать цыган жильем, работой, школами. Но без помощи общественности, без помощи комсомола в жизнь они входят очень трудно.

— Скоро эти законы отменят! — уверяют «баро» и старики.

И цыгане выжидают, сидя на узлах, работают больше для вида.

Большую часть своей жизни я провел с русскими. У меня много среди них друзей, заботившихся обо мне, как о родном. Я уверен, что и каждого молодого цыгана в школах и на заводах будут встречать так же дружелюбно. Но нельзя ждать, когда они придут туда.

Нужно, чтобы сельские и городские комсомольцы пришли в дома и кибитки цыган (они еще тоже кое-где упорно сохраняются), подружались с молодежью, втянули ее в свои дела, в свою жизнь. Это главное.

Несколько лет назад в таборе Гойды я видел, как старая цыганка Петровича отобрала у маленьких цыган потрёпанный сборник рассказов Горького и бережно спрятала его.

— Это очень умная книга! — поучала она ребят. — Когда-нибудь вы, может быть, сможете прочитать ее и стать такими же, как тот, кто написал эту книгу...

Где и когда успела неграмотная старуха научиться уважать великого писателя? Кто знает. Но говорит этот случай о многом. Такие книги должны быть в таборе.

Есть в Москве цыганский театр «Ромэн». За 24 года своего существования он поставил немало спектаклей. Задачи его ясны: — служить цыганскому народу, нести новое, передовое в его жизнь и в то же время пропагандировать самобытное цыганское искусство, стать центром цыганской культуры. Но стал ли театр таким центром? Экологические картины «романтической, удалой» цыганской жизни, подчас изображаемые театром, ничего общего не имеют с реальной жизнью таборов. А ведь необходимо, чтобы театр стал активным борцом с отсталостью, другим и наставником, в котором цыгане нуждаются, как никто другой.

Цыгане — талантливый народ, с музыкальной душой и цепким умом. Надо общими усилиями разбить косность и предрассудки, еще сохранившиеся среди цыган. Тогда мы будем встречать их не на базарах и вокзалах, а на кафедрах вузов, на сценах оперных театров, в лабораториях институтов.

Я верю в это. Ведь и цыгане будут жить при коммунизме.

Е. СТРЕЛКОВ,
прессовщик завода имени Кузьмина.

г. НОВОСИБИРСК.